

Чжоу Тяо проводил взглядом уплывающие вдаль клубящиеся черные мантии и вздохнул:

— Тьфу ты, нрав всё тот же, что и в прежние годы. Будь он хоть капельку прямее, не дошло бы до...

Альбус с улыбкой произнес:

— Дитя моё, помнится, в школьные годы твои отношения с ним были вовсе не так уж плохи.

И то верно: ноль баллов на фоне целой россыпи отрицательных оценок — это определенно можно было назвать неплохим результатом.

Чжоу Тяо возразил:

— Директор Дамблдор, вы ошибаетесь. Разве могут отношения между Гриффиндором и Слизерином быть не плохими?

Дамблдор возразил:

— Ты спас его. По меньшей мере трижды.

При воспоминании о прошлом во взгляде Дамблдора проступили восхищение и мягкая радость.

Первокурсник, зубрила, не получавший никакой предварительной подготовки в магии, в лоб столкнувшийся с пятью старшекурсниками — стоило ли называть это подлинным гриффиндорским духом?

И ведь он не проиграл эту стычку, отчего зрелище стало еще более ошеломляющим.

Чжоу Тяо недоуменно спросил:

— Если пресечение розыгрыша, способного сломать человеку жизнь, и остановка школьного буллинга, едва не лишившего кого-то самоуважения, считается спасением, то можно сказать, что такое случилось дважды. А в чем заключался третий раз? После того как я уехал из Шотландии, в Хогвартсе бродил еще один мой двойник?

Чжоу Тяо вовсе не полагал, что Снегт запомнил какие-либо мелочи помимо двух крупных происшествий — с Визжащей хижинкой и заклятием Левикорпус.

— Нет-нет, ты помешал ему окончательно порвать с Лили, а также подтолкнул к принятию решения, не позволив до конца скатиться на сторону Волан-де-Морта. Ты спас его душу.

Чжоу Тяо пожал плечами:

— Эта цепочка умозаключений слишком длинна, я не считаю, что данный результат имеет хоть какое-то отношение ко мне. Ну что ж, Альбус, раз ты выкроил время в своем плотном графике и уделил мне минуту, неужели ты хотел поговорить только о Северусе?

— Разумеется, нет. Просто я заметил, что твое отношение к Северусу претерпело поразительные изменения. По крайней мере, оно кардинально отличается от того, каким было в школьные годы.

— Твое отношение к нему тоже изменилось на сто восемьдесят градусов, напомнить тебе, что было до 1980 года? Ты ведь тоже глубоко презирал его, не доверял ему и ставил ни во что. А теперь ты веришь ему так же безоговорочно, как собственной руке.

Чжоу Тяо припомнил старые грешки, превратил сидевшую на руке голубку в деловой портфель, достал из него изысканно упакованную красную подарочную коробку в стиле дворцовых стен с бамбуковым плетением и водрузил ее на письменный стол Альбуса:

— Это лакомства из моих родных мест, они сильно отличаются от британских и не содержат магических компонентов. Надеюсь, это доставит вам новые впечатления.

Дамблдор с довольным угуканьем легко коснулся коробки, и упаковочные ленты на ней развязались сами собой, а листы вощеной бумаги вспорхнули в воздух, обнажив три яруса угощений. На каждом этаже лежало по десять видов разнообразнейших сладостей, причем каждая была выполнена с невероятным искусством и изяществом, от которого рябило в глазах.

Учитывая скрытый подтекст слов Чжоу Тяо... Альбус подумал, что если уж заграничные маглы проявляют столь упорное усердие, то их замыслы явно масштабны.

Чжоу Тяо извлек из портфеля толстую папку с документами и подвинул ее к Дамблдору:

— А теперь перейдем к делу. Вернувшись на родину, я еще восемь лет учился и вдобавок объединил это с традиционными колдовскими искусствами нашей страны... скажем так, с аномальными науками, которые работают по тому же принципу, что и магия. Мы разработали кое-какие полезные мелочи, Альбус, и обычные люди вполне могут ими пользоваться.

Дамблдор взял папку, бегло просмотрел бумаги и вытянул оттуда зажатый между пальцами листок из грубой древесной массы длиной в шесть и шириной в два дюйма, на котором было что-то нарисовано.

Стоило ему только взять его в руки, как защитный барьер, казалось, рухнул: едва бумага соприкоснулась с воздухом, она мгновенно вспыхнула, и прямо над его письменным столом возникло миниатюрное метеорологическое заклятие — грозовые тучи сплотились, заискрились

молнии и загремел гром.

Дамблдор вновь изумленно воскликнул:

— И это плоды твоих исследований? Талисманы?

Чжоу Тяо кивнул и принялся объяснять детали, не вошедшие в подробное описание в документах:

— Выразить решимость сотворить заклинание через проводящие пути магии на каком-либо носителе, а затем покрыть его изолирующим слоем — вот что такое талисман. При использовании изоляция нарушается. Подобным образом можно сохранять и применять любые заклинания, в том числе и те, что не требуют произнесения вслух.

— Альбус, ты наверняка знаешь: когда человека захлестывают эмоции, ему далеко не всегда требуется колдовать, а когда нужно наколдовать — эмоции могут отсутствовать. Способность вызывать нужный эмоциональный настрой в любой момент — это навык, доступный лишь магам высочайшего уровня. Мои соотечественники называют это «неравномерным распределением магических ресурсов во времени и пространстве» и на основе этого предложили данное решение для регулирования ресурсов.

— А поскольку я коммерсант, то вижу во всем этом лишь возможности для бизнеса.

Дамблдор взял другой талисман, но не стал разрушать изолирующее покрытие, а попытался на ощупь определить материал.

Бумага из ивовой древесины, рисунок нанесен порошком, полученным путем переработки и измельчения единорожьих хвостов, и, разумеется, в краску были подмешены кое-какие другие ингредиенты.

По сути, использовались компоненты волшебных палочек, а сам этот талисман служил защитой для доспехов.

Дамблдор медленно и взвешенно произвел оценку:

— Объединить талант и мудрость целой страны... это можно назвать эпохальным прорывом. Тiao, дитя моё, будь ты выходцем из британского Магического мира, тебя бы уже только за одну эту идею наградили орденом Мерлина первой степени. Скажи, каковы твои цели?

Изначально Чжоу Тяо и впрямь хотел лишь заработать денег... подумать только, скольким детишкам в Хогвартсе можно с огромной выгодой сбывать талисманы вроде заклинания Очищения.

Государственные дела не входили в круг его интересов — по крайней мере, здесь требовалось вмешательство официальных властей. Ему нужно было лишь подготовиться к следующему этапу задания в Великобритании, что равнялось полноценному отдыху.

Но теперь Чжоу Тяо изменил ход мыслей.

— Не пора ли нам объединить таких людей, как мы, с нормальными людьми? Только не смотри на меня так. Мы оба прекрасно понимаем: после слияния двух миров вовсе не волшебники будут править планетой. Перед лицом автоматов Калашникова все живые существа равны, а под ядерной бомбой все равны в своем вознесении на небеса.

— Альбус, наша разница лишь в том, что ты цепляешься за Статут о секретности, чтобы защитить волшебников, а я не люблю Статут о секретности. Крайне не люблю. Статут о секретности похож на попытку спрятать голову в песок... — Чжоу Тяо кратко объяснил Дамблдору суть идиомы и продолжил: — Наступила информационная эра, любая мелочь мгновенно облетит весь земной шар, и эффективность Статута будет неуклонно снижаться.

Дамблдор сжал серебряную вилку так сильно, что ему пришлось приложить все силы, чтобы не переломить надвое несчастный резной прибор.

Статут о секретности... Прости, но он невольно вспомнил Геллерта...

Дамблдор откусил кусочек яблочного пирога, вспомнив, как более десяти лет назад выступал в роли свидетеля и наставника Тио Чжоу на переговорах, резкие упреки британских чиновников, контратаку со стороны соотечественников Тио и то, что они неустанно повторяли:

«Наша сторона не имеет ни малейшего интереса, ответственности или обязательств в отношении ваших внутренних дел».

То, о чем говорил Тио, должно было касаться исключительно его собственной родины. Однако затронет ли это впоследствии Британию и Европу, предсказать было трудно.

Дамблдор спросил:

— У нас слишком разные условия и реалии. Тио, ты провел на родине десять лет и привез оттуда подобные результаты и размышления. Могу ли я предположить, что на то есть воля твоего государства?

— Разумеется. Дорогой Альбус, возможно, ты уже обратил внимание: раньше я называл людей, не обладающих магией, маглами, а теперь именую их нормальными людьми. Очевидно, моя родина дала мне понять, что аномальны как раз мы, меньшинство... Разумеется, это всего лишь классифицирующий термин, в нем нет ни одобрения, ни осуждения. Но в любом случае, с точки зрения моего государства, интересы широких масс «обычных людей» превыше всего. По

причинам, которые мы подробнее обсудим во время официальных контактов в будущем, мы считаем, что Статут о секретности больше не соответствует текущему положению дел — мир должен повернуться лицом к большому числу людей, к Великому Благу! В будущем аномальных людей не утаить, поэтому наш вектор — это содействие постепенному слиянию аномальных и нормальных людей.

Ярко-синие глаза Альбуса ни капли не изменились, да и атмосфера в кабинете директора оставалась мирной и безмятежной.

Но в душе Альбуса бушевали такие страсти, будто на дне океана извергся подводный вулкан, породивший гигантское цунами.

Душа обычного человека под воздействием эмоций и впрямь производит едва заметные колебания.

Однако душевные колебания Альбуса казались чересчур бурными.

Чжоу Тяо растерялся и засомневался.

Неужели у Дамблдора развился ПТСР на почве «Статута о секретности» и «Великого блага»?

Тогда тем лучше!

Альбус станет питать еще больше подозрений и с наибольшей вероятностью задействует своего самого выдающегося шпиона.

Долгое время сохраняя молчание, Дамблдор наконец произнес:

— Мне нужно время. Тию, прости старика за то, что он стал еще осторожнее, осмотрительнее и даже боязливее.

— Альбус, моя душа куда старше твоей. У тебя-то еще сохранился дух исследователя, а у меня осталось лишь желание «просто жить».

По крайней мере, душа Дамблдора, которую видел Чжоу Тяо, была огромной и бескрайней: пусть она и доверху наполнилась раскаянием, виной и метаниями, но все равно оставалась полной жизни.

Если не считать того, что объем и глубина отражали богатейший жизненный опыт, в ней не было ничего от дряхлого старика.

Чжоу Тяо сказал:

— Могу ли я остаться в Хогвартсе на время ваших размышлений? Как видишь, сегодня я во второй раз за всю жизнь вижу сына Лили. Прошу, пойми мои сестринско-братские узы с ней.

На губах Дамблдора заиграла улыбка:

— Уверен ли ты, что дело не в Северусе?

Чжоу Тяо ответил:

— Быть может, я влюбился в него с первого взгляда.

На сей раз любопытство Дамблдора разыгралось еще сильнее:

— Вы ведь провели вместе четыре года, почему же тогда у тебя не возникло подобных чувств?

Под четырьмя годами подразумевались первые три года учебы Чжоу Тяо и его последний год: в первые три года Северус Снегг еще не окончил школу, а в последний год он был его профессором зельеварения и человеком, провожавшим его на экзамены Ж.А.Б.А.

По правде говоря, Снегг десятилетней давности выглядел куда более красивым и привлекательным, чем сейчас.

Чжоу Тяо отмахнулся:

— Ой брось, Альбус, у меня на родине свои порядки, до восемнадцати лет мне запрещено заводить романтические отношения. Альбус, я вижу, как сильно ты дорожишь им, поэтому обещаю: я ни в коем случае не стану играть с его чувствами. Ну так что насчет моей просьбы погостить?

— Мистер Чжоу может жить в замке до тех пор, пока мы не придем к общему мнению касательно талисманов. Пожалуйста, не забывайте соблюдать правила замка. Хм, стоит ли подыскать вам помещение рядом с Подземельем?

— Благодарю за заботу, но если можно выбирать, выделите мне местечко повыше. Я Гриффиндор, который страстно любит солнце.

— Разумеется, можно. О, если бы вам удалось заставить нашего профессора зельеварения тоже полюбить солнечные ванны, это было бы просто великолепно... Знаете ли, я порой беспокоюсь о состоянии его здоровья...

<http://bllate.org/book/22358/2343725>